

Основные направления в переговорах и соглашениях по цифровой торговле¹

О.В. Бирюкова

Бирюкова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, академический руководитель образовательной программы «Мировая экономика», доцент департамента мировой экономики, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, старший научный сотрудник Лаборатории ответственного бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; obiryukova@hse.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4845-6897>

Аннотация

В статье анализируются актуальные изменения, связанные с международным регулированием цифровой торговли.

В условиях технологической трансформации понятие цифровой торговли расширяется. Под воздействием политических решений, а также приоритетов крупных компаний в нее включается все более широкий круг вопросов, что усложняет выработку международных правил.

За последние несколько лет цифровая экономика заняла важное место в повестке переговоров по заключению соглашений о свободной торговле. При этом наблюдается рост договоренностей нового типа — соглашений по цифровой торговле, включающих положения по электронной коммерции и перемещению данных. Их совместимость с правилами Всемирной торговой организации (ВТО) в части преференциальных режимов вызывает объективные сомнения.

Ключевые участники международной цифровой торговли (ЕС, США и Китай) по-разному подходят к формированию международных правил. Вместе с тем их позиции по отдельным вопросам могут пересматриваться и сближаться. В последние годы все большую активность в разработке международных договоренностей по цифровой экономике проявляет Сингапур, стремящийся стать глобальным хабом не только в физической, но и в цифровой торговле.

Действующие соглашения Всемирной торговой организации разрабатывались еще до бурного развития Интернета, поэтому условия ведения цифровой торговли и обязательства стран в ней во многом не урегулированы. В настоящее время проведение в организации торговых переговоров в многостороннем формате затруднено. В этой связи разработка правил электронной коммерции происходит в рамках плюрилатерального формата — Совместной инициативы.

Делается вывод, что будущее этих договоренностей остается неопределенным как из-за политических разногласий, так и вследствие кризиса организации, несмотря на «стабилизацию» текста соглашения по электронной коммерции в ВТО.

Ключевые слова: электронная коммерция, цифровая торговля, цифровая экономика, торговые соглашения

¹ Статья поступила в редакцию 26.05.2024.

Для цитирования: Бирюкова О.В. Основные направления в переговорах и соглашениях по цифровой торговле // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 23–39 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-02

Благодарности: в данной научной работе использованы результаты проекта «Трансформация парадигмы регулирования международной торговли в условиях санкций», выполненного в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 г.

Введение

Цифровизация оказывает огромное влияние на международную торговлю, меняя характер трансграничных экономических связей. Все большая доля товаров и услуг заказывается и доставляется электронным образом, передача данных стала важным трансграничным экономическим потоком, а цифровые технологии активно внедряются в цепочки поставок [UNCTAD, 2023].

Цифровизация усиливает взаимосвязь между развитием сервисных отраслей и экономическим ростом. В 2022 г. стоимость мирового экспорта услуг, предоставляемых с использованием цифровых технологий, составила 3,82 трлн долл., то есть 12% от общего объема экспорта товаров и услуг. В период 2005–2022 гг. среднегодовые темпы роста объема услуг, предоставляемых в цифровом формате, составили 8%, опережая темпы роста экспорта товаров (5%) [IMF, OECD, UNCTAD, WB, WTO, 2023].

В настоящее время страны еще не выработали единый подход к определению цифровой торговли [Jiang et al., 2022]. Однако для целей статистического учета международные экономические организации определяют цифровую торговлю как «все международные торговые операции, которые заказываются и/или осуществляются в цифровом виде» [IMF, OECD, UNCTAD, WTO, 2023]. На данном этапе, пока не будут собраны статистические данные о полномасштабной цифровой торговле между странами, одним из наиболее репрезентативных подходов для ее измерения может стать оценка трансграничных операций ИКТ-услуг. Именно эта категория относится к числу наиболее динамично развивающихся секторов в последние десятилетия [Birjukova, Bezhanishvili, 2017].

Цифровая торговля как динамичная и быстрорастущая область мировой экономики все чаще становится предметом регулирования в международных соглашениях. Цифровая торговля представляет собой серьезный вызов для территориальной концепции государств и их юрисдикции, потому что Интернет не является физическим предметом регулирования [Wolfe, 2019]. Вместе с тем за последние двадцать лет межгосударственные договоренности в цифровой торговле стали одной из наиболее активных областей международного экономического права.

Наблюдается рост числа соглашений, регулирующих цифровую торговлю. Согласно базе данных TAPED (Trade Agreement Provisions on Electronic-commerce and Data) Университета Люцерн, в начале 2023 г. в мире насчитывалось 116 региональных торговых соглашений, регулирующих вопросы электронной коммерции и перемещения данных.

К 2024 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют 103 соглашения, регулирующих вопросы электронной коммерции, и два соглашения находятся на стадии переговоров (ЕС – Австралия, ЕС – Филиппины). Первым торговым соглашением, вклю-

чающим вопросы электронной коммерции, было соглашение о свободной торговле между Новой Зеландией и Сингапуром, подписанное в 2000 г. В период 2020–2022 гг. 87% всех заключаемых торговых соглашений (20 из 23) включали конкретные положения о цифровой торговле [UN ESCAP, 2024]. Это наглядная демонстрация усиливающейся роли регулирования электронной торговли в рамках действующих преференциальных торговых соглашений.

Значительное число правил в таких договоренностях не имеют обязательного характера. Это свидетельствует о готовности включать новые вопросы для сближения подходов к регулированию и стремлении создать платформу для сотрудничества. В то же время наблюдается новаторство в разработке правил, которые охватывают не только электронную коммерцию, вопросы перемещения данных, но и другие аспекты цифровой экономики. Большинство соглашений, в которых содержатся главы об электронной коммерции, как правило, касаются стран с более высоким уровнем дохода [González, Sorescu, Kaynak, 2023].

Цель данной статьи состоит в проведении сравнительного анализа моделей США, ЕС, Китая и Сингапура в соглашениях, регулирующих цифровую торговлю, а также в оценке перспектив и ограничений развития цифрового торгового права на площадке ВТО.

Разработка правил электронной коммерции в рамках ВТО

«Книга правил Всемирной торговой организации», созданная до того, как Интернет стал играть ключевую роль в трансграничной торговле, содержит мало правил, непосредственно применимых к цифровой экономике (рис. 1). Среди основных из них: правила торговли услугами и мораторий на взимание таможенных пошлин на электронные трансмиссии. Правительства адаптировали обязательства, изначально написанные для физической торговли, для онлайн-торговли. Однако этот подход к управлению не является оптимальным.

Рис. 1. Основные вехи развития права цифровой торговли в ВТО

Источник: составлено автором.

Многие услуги, предоставляемые через Интернет, покрываются обязательствами Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС). Важной особенностью Соглашения стала его «технологическая нейтральность». Поскольку ГАТС регулирует тор-

говлю услугами, а не средства их предоставления, услуги, осуществляемые посредством электронных средств, подпадают под его действие [Biryukova, Daniltsev, 2019].

ГАТС может быть применимо в отношении цифровой торговли следующим образом. Во-первых, принцип режима наибольшего благоприятствования (ст. II) требует недискриминации между «подобными» услугами от разных торговых партнеров. Во-вторых, принцип национального режима (ст. XVII) требует недискриминации между внутренними и аналогичными иностранными услугами, перечисленными в перечне обязательств стран. В-третьих, правила внутреннего регулирования (ст. VI) требуют разумного, объективного и беспристрастного исполнения внутренних нормативных актов.

Стоит отметить, что вышеперечисленные принципы не способствуют унификации различных подходов стран к внутреннему регулированию цифровой экономики. Вместе с тем политика члена ВТО в области цифровых технологий, нарушающая эти принципы, может быть оправдана с помощью механизма общих исключений, предусмотренных ст. XIV ГАТС, в том числе для защиты конфиденциальности. При этом исторически сложилось так, что обязательства членов организации в торговле услугами значительно различаются по охвату секторов услуг и глубине либерализации. Это означает, что условия доступа на рынок, как и предоставление национального режима, будут регулироваться ВТО только в тех секторах услуг страны, по которым она взяла обязательства в рамках этой организации.

В 1998 г. члены ВТО подписали Рабочую программу по электронной коммерции (РПЭК). Для ее реализации был введен термин «электронная коммерция», под которой понимается производство, распространение, маркетинг, продажа или доставка товаров или услуг путем использования электронных средств [WTO, 1998].

Тогда же была достигнута договоренность между всеми членами ВТО о моратории на невзимание таможенных пошлин с электронных трансмиссий. При этом члены ВТО не смогли договориться об определении и сфере охвата понятия электронной трансмиссии, дискуссия о которой продолжается до настоящего времени. Мораторий продлевался на каждой последующей министерской конференции ВТО. В последние годы некоторые члены ВТО все активнее выражают сомнения в его пользе для развивающихся стран и целесообразности продления. Так, Индия и ЮАР отмечают, что с развитием цифровизации доля онлайн-торговли растет, а традиционной – падает [WTO, 2021]. Следовательно, таможенные доходы при замещении физических товаров оцифрованными сокращаются, что приводит к бюджетным потерям [Banga, 2022]. Им оппонирует большинство членов ВТО, считая, что мораторий приводит в целом к росту благосостояния. При этом отмечается, что мораторий распространяется исключительно на таможенные тарифы, а правительства могут взимать налоги с цифровых транзакций в другой форме [Andrenelli, Lopez Gonzalez, 2023].

Особенность РПЭК заключается в том, что программа не содержит явный переговорный мандат. Это значит, что формальный запуск многосторонних переговоров по электронной коммерции в ВТО может быть дан только дополнительным консенсусным решением всех 166 членов организации. Этой институциональной «уязвимостью» и воспользовались отдельные страны, блокирующие многосторонние переговоры по электронной коммерции. При этом их нежелание участвовать в разработке новых договоренностей может быть связано как с объективными причинами (например, отсутствием базовой цифровой инфраструктуры в стране), так и разыгрываемой переговорной игрой (сначала достижение договоренностей в физической торговле, а потом переход и к «новым вопросам»).

В результате странам – сторонникам новых норм и правил в области цифровой торговли не оставалось иного выбора, как запустить обсуждение (де-факто переговоры) в формате «совместной инициативы» [WTO, 2017; 2019]. В настоящее время 91 член ВТО, на чью долю приходится свыше 90% мировой торговли, участвует в плюрилатеральных переговорах по электронной коммерции для определения правил управления глобальной цифровой экономикой [WTO, n.d.].

С самого начала плюрилатеральных переговоров в ВТО участники столкнулись с терминологическими сложностями – степень развитости законодательства в области цифровой экономики в странах-членах оказалась крайне разнородной, и опиралось оно на разные подходы к определениям. В результате некоторые коспонсоры инициативы настаивали на термине «*цифровая торговля*» в названии будущего соглашения, обосновывая это согласованием усилий ОЭСР и других организаций по разработке методологических подходов к оценке цифровых потоков и интернет-торговли с переговорами в ВТО. Другая же группа отмечала необходимость преемственности правил ВТО и предлагала использовать введенный в право организации термин «*электронная коммерция*». При этом обе группы приводили в свою защиту тезис о том, что в региональных соглашениях с их участием уже применяются термины «цифровая торговля» или, наоборот, «электронная коммерция», что в итоге нивелировало этот аргумент в дискуссии. В результате выиграла группа защитников «электронной коммерции». Важным доводом стала отсылка к Модельному закону ЮНСИТРАЛ по электронной коммерции 1996 г.² Вместе с тем обе группы членов пришли к взаимопониманию о приоритетности выработки общих понятных правил и принципов для бизнеса, которые будут имплементироваться с учетом национальных законодательств, и введении определений только в случае необходимости в отдельных положениях соглашения.

В рамках Совместной инициативы по электронной коммерции участникам, среди которых Россия, ЕС, США и Китай, пока удалось согласовать положения по относительно «нечувствительным» вопросам: необходимость транспарентности в регулировании, поощрение цифровизации в таможенном администрировании, усиление защиты прав потребителей в цифровом пространстве (табл. 1). Что касается вопросов, которые сопряжены со значительными коммерческими интересами, национальной экономической безопасностью и технологическим суверенитетом (свободное перемещение данных, запрет на ограничения финансовых платежей, доступ к ИКТ-инфраструктуре и либерализация цифровых услуг), то по ним поиск компромиссов шел крайне сложно [WTO, 2024]. При этом даже там, где участников объединяют общие цели, возникают сложности с выбором формулировки. Международные правила в цифровой торговле являются важными объектами конкуренции между крупнейшими игроками и представляют определенный рычаг, который определит доминирование одного из подходов к регулированию.

В июле 2024 г. коспонсорам Совместной инициативы удалось стабилизировать текст (табл. 1). Однако девять участников – Бразилия, Колумбия, Сальвадор, Гватемала, Индонезия, Парагвай, Тайвань, Турция и США – сочли, что не могут поддержать этот текст по разным соображениям.

² Отметим, что на русский язык этот документ был переведен как Модельный закон по электронной торговле, что еще раз доказывает наличие страновых специфик в применении «цифровых» понятий.

Таблица 1. Основные вопросы переговорного текста по электронной коммерции, разрабатываемого в рамках Совместной инициативы

Основные разделы	Регулируемые вопросы
А. Охват и общие положения	Охват. Определения. Связь с другими соглашениями
В. Обеспечение электронной коммерции	Системы электронных транзакций; электронные аутентификация и подписи; электронные контракты; электронное выставление счетов; электронные платежи. Безбумажная торговля. Единые окна для обмена данными и совместимость систем
С. Открытость и электронная коммерция	Таможенные пошлины на электронные трансмиссии. Открытые государственные данные. Доступ к Интернету и его использование для электронной коммерции
Д. Доверие и электронная коммерция	Защита прав потребителей в Интернете. Нежелательные коммерческие электронные сообщения. Защита персональных данных. Кибербезопасность
Е. Транспарентность, кооперация, развитие	Прозрачность, внутреннее регулирование и сотрудничество. Укрепление потенциала. Положения о специальном и особом режиме для развивающихся и наименее развитых стран
Ф. Телекоммуникации	Дисциплины, связанные с предоставлением телекоммуникационных услуг
Г. Исключения	Общие исключения. Исключение безопасности. Пруденциальные меры. Исключение из правил защиты персональных данных. Коренные народы
Н. Институциональные договоренности и заключительные положения	Разрешение споров. Комитет по торговым аспектам электронной коммерции. Положения о вступлении в силу и имплементации соглашения. Положения, связанные с администрированием соглашения

Источник: составлено автором на основе [WTO, 2024].

При этом стоит помнить, что даже если проponentы Совместной инициативы по электронной коммерции смогут сбалансировать свои интересы и парафировать текст соглашения, то инкорпорирование новых правил в право ВТО в любом случае потребует консенсуса всех членов или поиска иного институционального решения. В настоящее время потребность в дополнительных «гибкостях», расширяющих возможность включения совместных инициатив в право организации, стоит как никогда остро. Если попытки добавить новые договоренности в пакет соглашений ВТО не получают поддержки, это приведет к усилению переговорной активности за пределами организации с последующей фрагментацией правил торговли.

Совместимость правил ВТО и новых соглашений, регулирующих цифровую торговлю

В отсутствие универсальных многосторонних правил в цифровой торговле ряд государств активно прибегает к двусторонним и региональным соглашениям в этой области. На сегодняшний день можно выделить три основные модели таких соглашений, регулирующих цифровую торговлю:

- соглашения о свободной торговле (ССТ), регулирующие вопросы электронной коммерции (например, гл. 14 Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве);
- дополнение существующих ССТ положениями по электронной коммерции (например, Соглашение о цифровой экономике между Австралией и Сингапуром);
- подписание самостоятельных соглашений о цифровой торговле (например, Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики между Сингапуром, Новой Зеландией и Чили).

Если первые две модели в целом не вызывают вопросов с точки зрения соответствия правилам многосторонней торговой системы, то формат цифровых соглашений вне обязательств стран по торговле товарами и услугами не столь однозначен [Soprana, 2021].

Так, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1947 г. заложило основу создания многосторонней системы торговли, базирующейся на принципе недискриминации. На правовом уровне этот принцип воплощен во взаимном предоставлении членами ВТО режима наибольшего благоприятствования (РНБ) и национального режима. В дальнейшем этот принцип был подтвержден при разработке ГАТС. В связи с существованием на момент заключения ГАТТ преференциальных торговых соглашений (в первую очередь между колониями и метрополиями), которые могли рассматриваться третьими странами как дискриминирующие их, разработчики ГАТТ (и впоследствии ГАТС) предусмотрели соответствующие изъятия из РНБ для таможенных союзов и зон свободной торговли (ст. XXIV ГАТТ) и для соглашений об экономической интеграции (ст. V ГАТС). Однако такие формы преференциального взаимодействия согласно праву ВТО должны выполнять определенные условия.

Так, ст. XXIV ГАТТ требует, чтобы стороны, участвующие в таможенном союзе или ССТ, отменили пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли в отношении «практически всей торговли между составляющими территориями союза, или, по крайней мере, в отношении практически всей торговли товарами, происходящими из этих территорий». В преамбуле Соглашения о толковании ст. XXIV (Соглашение о взаимопонимании) предполагается, что исключение какого-либо крупного сектора торговли не соответствовало бы требованию о «практически всей торговле».

Хотя цифровая торговля в настоящее время занимает значительное место в трансграничном обмене товарами и услугами, но она еще не полностью раскрыла свой потенциал. В этой связи довольно спорным является выполнение требований «о практически всей торговле», например цифровым соглашением между США и Японией.

Выполнение цифровыми соглашениями требований ГАТС выглядит еще более дискуссионным. Аналогично товарным правилам, в торговле услугами требуется, чтобы соглашение об экономической интеграции в соответствии со ст. V:1(a) ГАТС имело значительный отраслевой охват. В сноске 1 поясняется, что «под этим условием подразумевается число секторов, объем затронутой торговли и охват способов поставки. В целях соответствия этому условию соглашения не должны заранее исключать ка-

кой-либо способ поставки». Однако услуги, предоставляемые посредством цифровой торговли, однозначно включают только способ 1 (трансграничные поставки). И если осуществление торговли услугами через способ 2 (потребление за рубежом) еще можно увязать с цифровой торговлей, то остальные способы поставки (коммерческое присутствие и перемещение физических лиц) однозначно не подпадают под параметры цифровой торговли. Таким образом, соглашение, основанное (максимум) на двух способах поставок, предположительно не будет соответствовать условиям действующего ССТ в сфере услуг в соответствии с ГАТС. Примечательно, что до настоящего времени ни одно из соглашений о цифровой торговле не было нотифицировано в рамках ВТО [Burri et al., 2024].

Как правило, включаемые в такие соглашения положения о свободной трансграничной передаче информации и запрете на требование о локализации данных содержат защитные механизмы, аналогичные общим исключениям ГАТС (ст. XIV). Таким образом, стороны имеют возможность регулятивной автономии, а также получают базу для обоснования нарушений. Это снижает эффект сближения регулятивных практик разных стран в области цифровой торговли.

Все три модели соглашений, как правило, строятся на тех же принципах недискриминации, что и нормы и правила ВТО: режим наибольшего благоприятствования и национальный режим. Основным преимуществом таких договоренностей для разработчиков является то, что они служат хорошими «проводниками» нормативных подходов и стандартов в области цифровой экономики. В то же время соглашения о цифровой торговле не в состоянии предотвратить процесс фрагментации регулирования цифровой торговли на глобальном уровне и по большому счету не всегда являются эффективными инструментами открытия зарубежных рынков цифровых услуг.

Модели участия стран в соглашениях по цифровой торговле

Американский подход

Вопросы цифровизации занимают важное место в торговой политике США. Это связано с тем, что США продолжают оставаться единственным государством, которое может одновременно контролировать глобальные цепочки производства высокотехнологичных товаров, обладает внушительным киберпотенциалом и оказывает влияние на формирование международно-правовых режимов [Ramich, Piskunov, 2022]. Американские компании облачных услуг являются мировыми лидерами, обеспечивающими солидную долю экспорта США. При этом они поддерживают активное сальдо торгового баланса и предоставляют десятки тысяч высокооплачиваемых рабочих мест внутри страны.

Американские разработчики торговой политики и ИТ-компании все чаще активно используют международный режим цифровой торговли как подходящую арену для создания обязательных международных правил.

Примечательно, что эти ИТ-компании и аффилированные с ними структуры были ключевыми сторонниками администрации Б. Обамы, которая, в свою очередь, всячески поддерживала отрасль. В результате Обама получил неформальный статус «первого президента в области технологий» [Kang, Eilperin, 2015]. За последнее десятилетие политическая активность американских ИТ-компаний и их филиалов, в частности лоббирование и участие в предвыборных кампаниях, существенно возросла, что сделало их мощной лоббистской силой в США [Aggarwal, Kenney, 2023].

Начиная с 2000 г. Вашингтон активно использовал торговые соглашения для продвижения своей цифровой повестки [Elsig, Klotz, 2022]. Важным результатом такой политики стала разработка Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP) [USTR, 2014]. И хотя впоследствии с приходом администрации Д. Трампа США вышли из сделки, не успев ратифицировать соглашение, его положения в части электронной коммерции стали *определенным стандартом* для последующих торговых договоренностей. Позже и сами США начали использовать схожий набор положений в своих соглашениях. Среди них, например, обновленное в 2018 г. соглашение НАФТА с участием США, Канады и Мексики (US – Mexico – Canada Agreement, USMCA), а также соглашение по цифровой торговле США – Япония, подписанное в 2019 г.

Для США основными задачами, решаемыми посредством инструментов торговой политики, были устранение барьеров для трансграничного перемещения данных, обеспечение защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, закрепление за социальными платформами минимальной ответственности за размещаемый недобросовестный контент, упрощение доступа американских компаний, занимающихся кибербезопасностью, на иностранные рынки [Gao, 2018b].

Наряду с этим в американской модели соглашений страны принимают обязательства по невведению таможенных пошлин на электронные трансмиссии без указания временных ограничений, таким образом закрепив существующую практику моратория в рамках РПЭК ВТО на постоянной основе.

Важным элементом американского типа соглашений является наличие положений, направленных на устранение правительственных мер, которые крупные технологические компании США считают препятствиями для их бизнес-модели, включая так называемую принудительную передачу программного обеспечения и исходного кода.

С истечением срока полномочий Управления по содействию торговле США в 2021 г. и в связи с прохладным отношением администрации Байдена к торговым соглашениям (в первую очередь в формате ССТ) Вашингтон стал менее активным игроком в формировании правил цифровой торговли. Тем не менее правительства других стран продолжают вести переговоры по широкому кругу цифровых обязательств. Среди них, например, соглашения о преференциальной торговле, заключенные Великобританией после Brexit.

В октябре 2023 г. произошли значительные изменения в подходе США к международным договоренностям в области цифровой торговли. Вашингтон отозвал свои предложения по трансграничным потокам данных, локализации данных и исходному коду на переговорах по электронной коммерции в ВТО, приостановив их рассмотрение в Индо-Тихоокеанской экономической программе для процветания (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF). В официальном заявлении Аппарата торгового представителя (АТП) указывалось, что США необходимо «пространство для маневра в политике» [USTR, 2023] для проведения внутренних дебатов о том, как стране следует подходить к вопросам цифровой торговли. В защиту такого подхода торговый представитель США К. Тай отметила [Aspen Strategy Group, 2023], что необходимо вначале выяснить, будет ли частный сектор или правительство «решать или контролировать, насколько свободно могут передаваться данные и когда их можно ограничить, где они должны храниться и когда требуется доступ для раскрытия исходного кода». США, «вероятно, совершили бы политическое самоубийство», если бы продолжали настаивать на правилах международной торговли, которые предопределяют исход продолжающихся дебатов по национальной политике, в том числе по регулированию искусственного

интеллекта (ИИ). Доминирование технологических гигантов в сборе и передаче данных не обязательно соответствует общественным интересам США.

Такой резкий разворот в торговой политике показывает, что администрация Байдена находится в центре внутренней борьбы в отношении правил международной цифровой торговли. Изменение позиции Вашингтона вызвало резкие публичные обвинения в том, что США больше не заинтересованы в лидерстве в международной политике цифровой торговли и фактически уступают это поле Китаю [Denamiel et al., 2024]. Это противоречит давней позиции США, которая еще со времен администрации Клинтона выступает за свободные потоки данных, что подтверждается в Декларации о будущем Интернета от 2022 г.

Действия АТП направлены на поддержку двух более широких целей администрации Байдена. Во-первых, это усиление принципа суверенного права проводить независимую торговую политику, а фактически – укрепление тенденции на вольное толкование действующих положений соглашений ВТО о национальной безопасности. Вопросы, связанные с трансграничными потоками данных, находятся в центре внимания администрации по вопросам безопасности и экономической политики. Во-вторых, это подавление администрацией крупных технологических компаний, которые используют инструменты торговой политики для решения проблем внутренней конкуренции.

Подход ЕС

Подход ЕС в отношении участия в соглашениях, регулирующих цифровую торговлю, претерпел значительные изменения. В ранних ССТ с Чили (2002 г.) и с Южной Кореей (2009 г.) присутствовали положения по электронной коммерции (как правило, в контексте регулирования торговли услугами), но они носили общий характер, были ограниченными по охвату и направленными на сотрудничество. ЕС, особенно настаивающий на защите данных, также добивался от своих партнеров по ССТ обязательств по обеспечению совместимости с международными стандартами защиты данных [Fahy, 2022].

Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой 2016 г. (The EU – Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement, СЕТА) уже содержало обособленную главу об электронной коммерции. Однако субстантивно, помимо запрета на таможенные пошлины на электронные трансмиссии, соглашение больше ничего не предписывало, хотя и содержало ряд мягких норм. Среди них были положения, направленные на обеспечение прозрачности и предсказуемости внутренней нормативной базы, функциональной совместимости, а также на содействие инновациям и конкуренции в электронной коммерции, поощрение ее использования среди малых и средних предприятий. СЕТА также имеет оговорку, позволяющую сторонам принимать или поддерживать законы, постановления или административные меры для защиты личной информации пользователей, участвующих в электронной коммерции, с учетом международных стандартов защиты данных. Сами же правила в отношении данных и потоков данных в соглашении отсутствуют.

Принятие Брюсселем в 2018 г. Общего регламента по защите данных поставило в приоритет политику конфиденциальности над потоками данных, ограничивая передачу персональных данных за пределы объединения, за исключением конкретных стран, которые, по определению ЕС, обеспечивают надлежащую защиту данных. Общий регламент внес существенные изменения в реализацию защиты конфиденциальности компаний, интенсивно использующих персональные данные [Tikkinen-Piri et al., 2018],

что не могло не отразиться и на содержании международных соглашений с участием ЕС. Это также привело к трениям с США, поскольку суды ЕС неоднократно выносили решения, которые ограничивали потоки данных между двумя экономиками из-за проблем с конфиденциальностью данных [CURIA, 2020]. Для разрешения этих противоречий в 2023 г. была принята Рамочная договоренность о конфиденциальности данных ЕС – США.

В последующем на переговорах по Совместной инициативе по электронной коммерции в ВТО, а также в своих торговых сделках ЕС придерживается особой модели одобрения и защиты конфиденциальности как фундаментального права. ЕС также сохраняет право на пересмотр соглашений, если их реализация в части перемещения потоков данных негативно повлияет на условия защиты частной жизни. Такой подход ЕС отражен и в Соглашении о торговле и сотрудничестве с Великобританией после Brexit.

В последние годы ЕС использует различные форматы договоренностей по цифровой торговле. Так, были подписаны отдельные «цифровые партнерства» с Японией (май 2022 г.), Южной Кореей (ноябрь 2022 г.) и Сингапуром (декабрь 2022 г.), которые могут послужить образцом для сотрудничества по цифровым вопросам с другими странами [Schweitzer et al., 2024]. В 2023 г. было объявлено о старте переговоров между ЕС и Сингапуром для подписания цифрового торгового соглашения.

Модель цифрового партнерства становится удобным подходом в цифровой торговле по сравнению с обязательствами, предусмотренными в традиционных торговых соглашениях ЕС. Она позволяет охватить ряд важных вопросов – от электронной коммерции до управления данными. Она также создает механизмы координации со странами-партнерами по таким вопросам, как полупроводники, сети 5G, высокопроизводительные вычисления, квантовые технологии, ИИ, цифровая связь и технологии распределенной бухгалтерской отчетности. Однако важно отметить, что обязательства в рамках этих партнерств основаны на «мягком праве» и не являются обязательными для подписавших их сторон.

Китайский подход

Другой крупный важный участник международной торговли – Китай, сохраняя требования по локализации данных, придерживается принципов цифрового суверенитета, хотя при этом грамотно использует выгоды от торговли с внешним миром [Aaragon, Leblond, 2018]. Китай в рамках проводимой международной дипломатии активно отстаивает тезис о том, что либерализация торговли не должна отождествляться с дерегулированием, а обеспечение кибербезопасности является вопросом защиты суверенитета, а не средством ограничения иностранных инвесторов. В то же время Пекин заинтересован в снятии ограничений доступа на зарубежные рынки, однако не поддерживает идеи свободного передвижения данных [Abendin, Duan, 2021]. В его приоритете не столько ИКТ-услуги, сколько либерализация трансграничных финансовых платежей и открытие транспортно-логистических путей для торговли товарами [Gao, 2018a].

Пекин проявляет взвешенный подход и не исключает разных форматов договоренностей, что было продемонстрировано в рамках торговых соглашений, содержащих главы о цифровой торговле с Южной Кореей (2015), Австралией (2015), Евразийским экономическим союзом (2018), Сингапуром (2019), Маврикием (2019), Камбоджей (2020). Это подтверждают также подписание соглашения о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве или ВРЭП (2020) и обновление ССТ с Новой Зеландией (2021).

Примечательно, но именно ВРЭП в части регулирования электронной коммерции пошло по американской модели. Соглашение содержит тот же набор положений, хотя

и с разным уровнем исключений из правил для стран-участниц. Так, ВРЭП фиксирует подходы стран к отдельным аспектам электронной коммерции: развитию безбумажной торговли, признанию электронной аутентификации, защите прав потребителей, противодействию спаму. В отношении взимания пошлин на электронные транзакции оговаривается, что по этому вопросу участники будут действовать в соответствии с решениями ВТО (в частности, в рамках РПЭК), однако уточняется, что в отношении таких транзакций участники могут применять налоги, сборы и иные платежи.

В отношении требований по использованию или размещению оборудования для хранения и обработки данных для коммерческого использования на территории участника ВРЭП, а также трансграничному перемещению данных, фактически страны – участницы Соглашения сохраняют свободу регулирования. Устанавливается только неприменение требований по локализации в качестве условий для деятельности юридических лиц, зарегистрированных в зарубежных странах – участницах ВРЭП. Одновременно вводятся многочисленные оговорки, разрешающие сторонам применять исключения по соображениям национальной безопасности. Отдельно подчеркивается, что механизм разрешения споров, заложенный в соглашении, не применяется в отношении всех положений по электронной коммерции.

В целом в реализации своей стратегии цифровой экспансии Китай в меньшей степени опирается на международные институты и региональные торговые соглашения, предпочитая формат двустороннего сотрудничества или крупных стратегических проектов («Пояс и путь»). При этом такая стратегия часто подкрепляется механизмами помощи развитию.

Сингапур как новый архитектор соглашений нового поколения по цифровой торговле

Более поздние соглашения, затрагивающие вопросы цифровой торговли, во многом сохраняли преемственность. Чили и Новая Зеландия в рамках Соглашения о партнерстве в области цифровой экономики, и Австралия и Сингапур в Соглашении о цифровой экономике, будучи сторонами СРТРР, фактически расширили сферу применения последнего. В качестве новых вопросов в соглашения вошли такие объекты регулирования, как цифровые удостоверения, счета-фактуры, электронные платежи, логотипы, стандарты и оценка соответствия, ИИ, безопасность в цифровом пространстве, конкуренция на цифровых рынках и инклюзивность.

Наиболее часто инновационные положения по цифровой торговле встречаются в соглашениях с участием Сингапура. Так, в соответствующих договоренностях между Сингапуром и Австралией, Великобританией, Новой Зеландией и Кореей можно выделить подходы, которые отличаются от американской модели СРТРР, что позволяет обособить такие соглашения как отдельную сингапурскую модель.

Для нее характерен упор на содействие сотрудничеству в сфере регулирования, технической совместимости между цифровыми системами и установлению международных стандартов для цифровых технологий [Jones et al., 2024].

Многие положения о цифровой торговле в соглашениях под руководством США представляют собой обязательства жесткого права, в то время как многие из новых положений в соглашениях под руководством Сингапура сформулированы как мягкие законы.

Цифровые инструменты рассматриваются Сингапуром в качестве новых источников экономического роста [Kanaev, Fedorenko, 2024]. Он стремится скорее к созданию глобальных правил регулирования, нежели к формированию международных договоренностей о цифровой торговле для улучшения своих двусторонних торговых

отношений. С одной стороны, Сингапур опирается на существующие американские нормативные подходы для цифровой торговли, с другой — он их пересматривает и с некоторым успехом предлагает новые стратегии для бизнеса, позволяющие себе и союзникам извлечь выгоды от цифровизации. Таким образом, Сингапур все активнее позиционирует себя не только как международный хаб для традиционной торговли, но и как цифровой центр в глобальной экономике. Формируя подходы и создавая правила в тех областях цифровой экономики, где существуют пробелы и нормативная неопределенность при параллельной политике продвижения цифровой взаимосвязанности, Сингапур претендует на роль глобального моста между различными режимами регулирования цифровых сверхдержав: США, ЕС и Китая.

Заключение

Цифровизация оказала глубокое влияние на торговлю, что нашло отражение в международном торговом праве. Странам — участницам плюрилатеральных переговоров удалось стабилизировать текст Соглашения по электронной коммерции, однако для его финализации предстоит еще добиться согласованности всех положений. Хотя ВТО как площадка для переговоров и разработки норм и правил торговли продолжает оставаться важным местом для решения проблем цифровой торговли, в ближайшем будущем организация вряд ли сможет добиться подписания юридически обязывающего соглашения. Вопросы инкорпорирования результатов плюрилатеральных переговоров без многостороннего консенсуса требуют реформирования организации.

ССТ стали выступать в качестве регуляторного механизма, служить «инкубаторами» для тестирования новаторских норм и со временем будут формировать своеобразные модели регулирования цифровой экономики.

В настоящее время американская торговая политика переживает глубокие изменения в области потоков данных. Вашингтон больше не продвигает агрессивную программу цифровой торговли, основанную на сильных сторонах крупных технологий США. Скорее, его международная политика в области цифровой торговли отодвигается на второй план по сравнению с внутренними соображениями, связанными с конкуренцией и политикой в области ИИ.

ЕС имеет больше международных соглашений, охватывающих цифровую торговлю, чем США или Китай. Кроме того, ЕС применяет различные форматы сотрудничества в этой области со странами-партнерами через ССТ, соглашения о цифровой торговле, цифровые партнерства и советы по торговле и сотрудничеству.

Более взвешенный взгляд на международные потоки данных, подразумевающий наличие понятных правил и требований при их трансграничном перемещении, может стать общепризнанной международной нормой. Это сближает американскую позицию с подходом ЕС, для которого неприкосновенность частной жизни является фундаментальным правом, и возможность регулировать ее не должна быть предметом торговли.

Новая волна соглашений с участием Сингапура включает основные элементы американского типа соглашений. Вместе с тем последние договоренности регулируют более широкий круг вопросов, включая новые обязательства по цифровой идентичности, электронному выставлению счетов и электронным платежам, управлению ИИ и новыми цифровыми технологиями.

С повышением роли цифровизации есть все основания предполагать, что будущие ССТ и соглашения по цифровой торговле будут в дальнейшем ориентированы на различные аспекты цифровой экономики, выходя за рамки торговых обязательств.

По своей природе соглашения, регулирующие цифровую торговлю, являются преференциальными, поэтому их несогласованное распространение может приводить к формированию блоков. Участвующим сторонам придется добиваться функциональной совместимости между такими соглашениями, дабы снизить риск фрагментации регулирования цифровой торговли.

Список источников (References)

- Aaronson S.A., Leblond P. (2018) Another Digital Divide: The Rise of Data Realms and its Implications for the WTO. *Journal of International Economic Law*, vol. 21, no 2, pp. 245–272. doi: 10.1093/jiel/jgy019
- Abendin S., Duan P. (2021) Global E-Commerce Talks at the WTO: Positions on Selected Issues of the United States, European Union, China, and Japan. *World Trade Review*, vol. 20, no 5, pp. 707–724. doi:10.1017/S1474745621000094
- Aggarwal V.K., Kenney M.A.T. (2023) Middle Power Economic Statecraft in a World of Geoeconomic Competition. *Great Power Competition and Middle Power Strategies. The Political Economy of the Asia Pacific* (V.K. Aggarwal, M.A.T. Kenney (eds.)). Springer, Cham. doi:10.1007/978-3-031-38024-2_1
- Andrenelli A., Lopez Gonzalez J. (2023) *Understanding the potential scope, definition and impact of the WTO e-commerce Moratorium*. OECD Trade Policy Papers, no 275, OECD Publishing, Paris. doi:10.1787/59ceace9-en
- Aspen Strategy Group (2023) U.S. Trade Representative. Katherine Tai speaking at the Aspen Security Forum. 12.07.2023. Available at: [https:// https://www.aspenssecurityforum.org/dc-2023-videos](https://www.aspenssecurityforum.org/dc-2023-videos) (accessed 29 October 2024).
- Banga R. (2022) WTO Moratorium on Customs Duties on Electronic Transmissions: How much tariff revenue have developing countries lost? *South Centre Research Paper 157*. Available at: https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2022/06/RP157_WTO-Moratorium-on-Customs-Duties-on-Electronic-Transmissions_EN.pdf (accessed 29 October 2024).
- Biryukova O., Daniltsev A. (2019) When Cooperation Fails: the Global Governance of Digital Trade. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 7–20. doi: 10.17323/1996-7845-2019-01-01
- Biryukova O.V., Bezhanishvili A.V. (2017) Sovremennye metody ocenki mezhdunarodnoj torgovli uslugami [Modern methods of assessing international trade in services]. *Mezhdunarodnye processy [International trends]*, vol. 1, no 1, pp. 126–142. Available at: <http://old2.intertrends.ru/rubrics/fiksiruem-tendentsiyu/journals/vyzovy-izmeneniy/articles/sovremennye-metody-otsenki-mezhdunarodnoy-torgovli-uslugami> (accessed 29 October 2024) (in Russian).
- Burri M., Vásquez Callo-Müller M., Kugler K. (2024) The Evolution of Digital Trade Law: Insights from TAPED. *World Trade Review*, vol. 23, no 2, pp. 190–207. doi:10.1017/S1474745623000472.
- Court of Justice of the European Union (CURIA) (2020) Judgment of the Court (Grand Chamber) of July 16, Data Protection Commissioner v. Facebook Ireland Limited and Maximilian Schrems. Available at: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?nat=or&mat=or&pcs=Oor&jur=C%2CT%2CF&num=C-311%252F18> (accessed 29 October 2024).
- Denamiel T., Rajic T., Reinsch W.A., Lewis J.A., Brock J. (2024) Beyond Economics: How U.S. Policies Can Undermine National Security Goals. Center for Strategic and International Studies (CSIS).
- Elsig M., Klotz S. (2022) Initiator conditions and the diffusion of digital trade-related provisions in PTAs. *Empirical and Theoretical Research in International Relations*, vol. 48, no 2, pp. 292–308. doi:10.1080/03050629.2022.2004137.
- Fahey E. (2022) *The EU as a global digital actor: institutionalising global data protection, trade, and cybersecurity*. Bloomsbury Publishing, p. 264.
- Gao H. (2018a) Digital or Trade? The Contrasting Approaches of China and US to Digital Trade. *Journal of International Economic Law*, vol. 21, no 2, pp. 297–321. doi:10.1093/jiel/jgy015

- Gao H. (2018b) Regulation of Digital Trade in US Free Trade Agreements: From Trade Regulation to Digital Regulation. *Legal Issues of Economic Integration*, vol. 45, no 1, pp. 47–70. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/2553 (accessed 29 October 2024).
- González J.L., Sorescu S., Kaynak P. (2023) Of Bytes and Trade: Quantifying the Impact of Digitalisation on Trade, OECD Trade Policy Papers 273; OECD, *Key Issues in Digital Trade*, OECD Global Forum on Trade 2023. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/of-bytes-and-trade-quantifying-the-impact-of-digitalisation-on-trade_11889f2a-en.html (accessed 29 October 2024).
- IMF, OECD, UNCTAD and WTO (2023) *Handbook on Measuring Digital Trade*. Available at: <https://www.oecd.org/sdd/its/handbook-on-measuring-digital-trade.htm> (accessed 29 October 2024).
- IMF, OECD, UNCTAD, WB and WTO (2023) *Digital Trade for Development*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/dtd2023_e.pdf (accessed 29 October 2024).
- Jiang L., Liu S., Zhang G. (2022) Digital trade barriers and export performance: Evidence from China. *Southern Economic Journal*, vol. 88, no 4, pp. 1401–1430. doi:10.1002/soej.12572
- Jones E., Kira B., Tavengerwei R. (2024) Norm Entrepreneurship in Digital Trade: The Singapore-led Wave of Digital Trade Agreements. *World Trade Review*, vol. 23, no 2, pp. 208–241. doi:10.1017/S1474745624000089
- Jose R., Kaukab R.S. (2024) WTO Joint Initiative on E-Commerce State of Play: Past, present, and future, July. Available at: <https://www.iisd.org/system/files/2024-07/wto-joint-initiative-e-commerce-state-of-play.pdf> (accessed 20 October 2024).
- Kanaev E., Fedorenko D. (2024) Singapore's Economic Development and Digital Transboundary Initiatives of the ASEAN Economic Community: An Instrumental Perspective. *Contemporary World Economy*, vol. 2, no 1, pp. 83–104. doi:10.17323/2949-5776-2024-2-1-83-104
- Kang C., Eilperin J. (2015) Why Silicon Valley is the New Revolving door for Obama Staffers. *The Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/business/economy/as-obama-nears-close-of-his-tenure-commitment-to-silicon-valley-is-clear/2015/02/27/3bee8088-bc8e-11e4-bdfa-b8e8f594e6ee_story.html (accessed 1 November 2024).
- Ramich M.S., Piskunov D.A. (2022) The securitization of cyberspace: From rulemaking to establishing legal regimes. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no 2, pp. 238–255. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>
- Schweitzer F.J., Saccomanno I., Saika N.N. (2024) The Rise of Artificial Intelligence, Big Data, and the Next Generation of International Rules Governing Cross-Border Data Flows and Digital Trade – Part II. *The Global Trade Law Journal*, vol. 1, no 3, May – June 2024, Part 2. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/rise-artificial-intelligence-big-data-next-generation-international-rules> (accessed 29 October 2024).
- Soprana M. (2021) The Digital Economy Partnership Agreement (DEPA): Assessing the Significance of the New Trade Agreement on the Block. *Trade, Law and Development*, vol. 13, no 1, pp. 143–169. Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/traladpt13&div=10&id=&page=> (accessed 1 November 2024).
- Tikkinen-Piri C., Rohunen A., Markkula J. (2018) EU General Data Protection Regulation: Changes and Implications for Personal Data Collecting Companies. *Computer Law & Security Review*, vol. 34, no 1, pp. 134–153. doi: 10.1016/j.clsr.2017.05.015
- United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2023) *World Investment Report 2023*. Available at: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023> (accessed 4 November 2024).
- United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UN ESCAP (2024) *Asia-Pacific Trade and Investment Agreement Database – APTIAD*. Available at: <https://www.unescap.org/content/aptiad> (accessed 4 November 2024).
- United States Trade Representative (USTR) (2014) Trans-Pacific Partnership: Summary of U.S. Objectives. Available at: <https://ustr.gov/tpp/Summary-of-US-objectives> (accessed 29 October 2024).

United States Trade Representative (USTR) (2023) USTR Statement on WTO E-Commerce Negotiations. 23.10. 2023. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2023/october/ustr-statement-wto-e-commerce-negotiations> (accessed 29 October 2024).

Wolfe R. (2019) Learning about Digital Trade: Privacy and E-Commerce in CETA and TPP. *World Trade Review*, vol. 18, no S1, pp. S63–S84. Available at: doi:10.1017/S1474745618000435

World Trade Organization (WTO) (n.d.) Joint Initiative on E-Commerce Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/joint_statement_e.htm (accessed 10 August 2024).

World Trade Organization (WTO) (1998) Work Programme on Electronic Commerce, WTO Doc. WT/L/274 (30 September 1998). Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/L/274.pdf&Open=True> (accessed 1 November 2024).

World Trade Organization (WTO) (2017) Joint Statement on Electronic Commerce, WTO Doc. WT/MIN(17)/60 (13 December 2017). Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/60.pdf&Open=True> (accessed 1 November 2024).

World Trade Organization (WTO) (2019) Joint Initiative on E-Commerce, WTO Doc. WT/L/1056 (25 January 2019). Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?DataSource=Cat&query=@Symbol=%22WT/L/1056%22%20OR%20@Symbol=%22WT/L/1056/*%22&Language=English&Context=ScriptedSearches&languageUIChanged=true (accessed 1 November 2024).

World Trade Organization (WTO) (2021) Global Electronic Commerce for Inclusive Development. Communication circulated at the request of the delegations of India and South Africa, WTO Doc. WT/COMTD/W/264 (9 October 2021). Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?FullTextHash=1&MetaCollection=WTO&SymbolList=%22WT/COMTD/W/264%22&languageUIChanged=true# (accessed 1 November 2024).

World Trade Organization (WTO) (2024) Agreement on Electronic Commerce, WTO Doc, 26 July. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/87.pdf&Open=True> (accessed 1 November 2024).

Key Trends in Negotiations and Agreements in the Digital Trade Area¹

O. Biryukova

Olga Biryukova – PhD, Programme Academic Supervisor of “World Economy”, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy, Senior Researcher of Center for Comprehensive European and International Studies, Senior Researcher of Laboratory of Responsible Business, HSE University; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russia; obiryukova@hse.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4845-6897>

Abstract

This article analyzes current changes related to the international regulation of digital trade.

In the context of technological transformation, the concept of digital trade is expanding. Under the influence of political decisions and the priorities of big companies, it includes an increasingly wider range of issues, which complicates the development of international rules.

Since 2000, the digital economy has taken an important place on the agenda of negotiations on free trade agreements. At the same time new types of arrangements have arisen – digital trade agreements, including provisions on e-commerce and data movement. Their compatibility with the rules of the World Trade Organization (WTO) in terms of preferential regimes raises objective doubts.

Key participants in international digital trade (the European Union (EU), the US, and China) have different approaches to the formation of international rules. Their positions on certain issues may be revised and brought closer together. In recent years, Singapore has been increasingly active in developing international agreements on the digital economy, striving to become a global hub in physical and digital trade.

Existing agreements of the WTO were designed before the rapid development of the Internet, so the conditions for conducting digital trade and the commitments of members in it are largely uncovered. Today, it is difficult to negotiate in a multilateral format at the organization. In this regard, the development of rules on e-commerce is taking place in a plurilateral format – the Joint Initiative.

The findings suggest that despite the stabilization of the text of the WTO Agreement on Electronic Commerce, the outcome of future negotiations' outcome negotiations remains uncertain, both due to political disagreements and the crisis in the WTO.

Keywords: e-commerce, digital trade, digital economy, trade agreements

Acknowledgments: this work is an output of a research project “Transformation of the regulatory paradigm for international trade in terms of sanctions”, implemented as part of the Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University in 2024.

For citation: Biryukova O. (2024) Key Trends in Negotiations and Agreements in the Digital Trade Area. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 4, pp. 23–39 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-02

¹ This article was submitted on 26.05.2024.